

Объединение
Корпоративных
Юристов

МОЖЕТ ЛИ БИЗНЕС ЗАЩИТИТЬ СЕБЯ В БАНКРОТСТВЕ?

«Банкротство проще предотвратить, чем прекратить» — так решили участники единственного круглого стола, посвященного бизнесу, в ходе дискуссии на тему «Защита бизнеса в банкротстве», прошедшей 29 мая 2015 г. в рамках V Петербургского Международного Юридического Форума. Своим опытом делились юристы-практики из ведущих юридических компаний, защищавшие в делах о банкротстве интересы как должников, так и кредиторов. Модератором дискуссии выступила президент НП «Объединение Корпоративных Юристов» **Александра Нестеренко**, организовавшая живую дискуссию с большим количеством вопросов и комментариев от слушателей, принявших по итогам обсуждения участие в интерактивном голосовании касательно последних изменений в законодательстве о банкротстве и других актуальных тем.

В качестве спикеров выступали **Антон Александров** (партнер коллегии адвокатов «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры»), **Елена Демина** (старший партнер — адвокат коллегии адвокатов «Делькредере»), **Валерий Зинченко** (старший партнер юридической компании *Pen & Paper*), **Алексей Козьяков** (партнер — руководитель офиса в Санкт-Петербурге адвокатского бюро «Иванян и партнеры»), **Василий Раудин** (руководитель группы по делам о банкротстве юридической фирмы «ЮСТ») и **Акитсую Огава** (член Международного комитета японской Федерации ассоциаций юристов).

Выступление Е. Деминой было посвящено теме «Закон о банкротстве глазами должника». От первой попытки — Закона РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» до ныне действующего Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) законодатель отдавал предпочтение защите прав кредиторов, но защищал права должника, помня, что важной целью банкротного законодательства помимо обеспечения прав кредиторов является сохранение должников, если это возможно.

Принципиальные положения Закона о банкротстве с позиции должника состоят в следующем:

а) уход от чисто механического возбуждения дела о банкротстве;

б) включение в круг участвующих в банкротстве лиц представителя учредителей (участников) должника и представителя собственника имущества должника;

в) сохранение во внешнем управлении и конкурсном производстве определенных правомочий органов управления должника;

г) появление положений о так называемых третьих лицах, которые, не являясь ни лицами, участвующими в деле о банкротстве, ни лицами, участвующими в арбитражном процессе по делу о банкротстве, нередко наделяются определенными полномочиями, позволяющими им влиять на ход банкротства должника, в том числе погашать требования кредиторов.

Последние изменения Закона о банкротстве показывают общую тенденцию развития законодательства в сторону расширения прав кредиторов и установления более жесткого контроля над должником, в том числе с ущемлением его прав. В частности, такие изменения включают:

— право кредитных организаций на подачу заявлений о признании должника банкротом без судебных актов о взыскании, но с предварительной публикацией уведомления о соответствующем намерении;

— лишение должника права на заявление кандидатуры арбитражного управляющего при подаче заявления о банкротстве.

В случае угрозы банкротства возможное поведение (защита) должника во многом определяется тем, насколько критичным является его финансовое положение.

В ситуации, когда у должника есть некоторые проблемы с исполнением в текущем режиме всех обязательств и ему необходимо время, чтобы собраться с силами и попытаться договориться с кредиторами, он может получить такую передышку в процедуре наблюдения. В соответствии со ст. 8 и 9 Закона о банкротстве должник вправе, а в ряде случаев обязан обратиться в суд с заявлением о признании себя банкротом, которое в случае признания его обоснованным влечет введение процедуры наблюдения. Эта процедура, безусловно, содержит ряд ограничений для должника, однако они не являются критическими:

— органы управления должника продолжают функционировать в полном объеме;

— временный управляющий вправе ходатайствовать перед судом об отстранении исполнительного органа, но он не может принять эти функции на себя;

— ограничения на совершение сделок в наблюдении не являются критическими для продолжения хозяйственной деятельности должника;

— временный управляющий начинает формирование реестра кредиторов, что дает возможность должнику сориентироваться в своих обязательствах и понять настрой кредиторов.

Таким образом, процедура наблюдения позволяет должнику разобраться в сложившейся ситуации и продолжить хозяйственную деятельность для того, чтобы накопить силы для расчетов с кредиторами и выстроить с ними отношения. Основная цель, как правило, состоит в завершении дела мировым соглашением. В этой ситуации последние изменения, в частности

Слева направо: Валерий Зинченко, старший партнер юридической компании *Pen & Paper*; **Елена Демина**, старший партнер, адвокат коллегии адвокатов «Делькредере»; **Александра Нестеренко**, президент НП «ОКЮР»; **Антон Александров**, партнер коллегии адвокатов «Монастырский, Зюба, Степанов и Партнеры»; **Алексей Козьяков**, партнер — руководитель офиса в Санкт-Петербурге адвокатского бюро «Иванян и партнеры»; **Акитсую Огава**, член Международного комитета японской Федерации ассоциаций юристов; **Василий Раудин**, руководитель группы по делам о банкротстве юридической фирмы «ЮСТ»

лишение должника возможности предлагать свою кандидатуру временного управляющего, не являются критичными в свете тех достаточно ограниченных полномочий, которыми наделен временный управляющий. Также позитивным является нововведение в ст. 71.1 Закона о банкротстве, которое позволяет третьему лицу погасить в наблюдении требования по обязательным платежам, что снимает определенную напряженность во взаимоотношениях должника с бюджетом и способствует достижению договоренностей о заключении мирового соглашения.

Если имущества должника явно не хватит для расчетов с кредиторами и впереди его ждет конкурсное производство, основную задачу собственники должника видят в сохранении его имущества (бизнеса) путем перевода на другое юридическое лицо. Сходная ситуация возникает, когда инициатором банкротства является кредитор (кредиторы), цель которых — забрать имущество (бизнес) должника. Как показывает практика, в таких случаях собственники должника используют нормы, регулирующие банкротство ликвидируемого должника (ст. 224–225 Закона о банкротстве) через принятие решения о добровольной ликвидации, чтобы сразу ввести конкурсное производство, пропустив стадию наблюдения, и выйти на продажу имущества для его приобретения на торгах. Это позволяет сэкономить время и затраты, которые нес бы должник в наблюдении. С учетом последних изменений при инициировании банкротства управляющего будет назначать суд (а не кредиторы), поэтому есть надежда на назначение независимой кандидатуры. В судебной практике вопрос о допусти-

мости открытия конкурсного производства в случае принятия решения о добровольной ликвидации решается по-разному, но наиболее распространенной является позиция, что, если на момент рассмотрения обоснованности заявления о признании должника банкротом уже создана ликвидационная комиссия, сразу вводится конкурсное производство.

Если положение должника критичное, объективно отсутствует возможность рассчитаться с кредиторами и сохранить бизнес, остается одно — постараться избежать привлечения к субсидиарной ответственности руководителей и/или собственников должника.

Ниже приведены наиболее проблемные моменты, связанные с привлечением к субсидиарной ответственности, которые можно использовать в свою защиту при предъявлении таких требований:

а) в подавляющем большинстве случаев суды отказывают в привлечении к субсидиарной ответственности по причине недоказанности вины лица, привлекаемого к ответственности. В этой ситуации необходимо обратить внимание на позицию высших судов, выраженную в Постановлении Пленума ВС РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996, согласно которой только активные виновные действия могут быть основанием для привлечения к субсидиарной ответственности. Таким действием, например, может быть совершение руководителем должника сделки, повлекшей увеличение кредиторской задолженности должника (в частности, выдача векселя), или сделки, направленной на отчуждение имущества должника, в результате которой не произошло эквивалентного сокращения кредиторской задолженности;

б) другой критерий — наличие причинно-следственной связи между активными действиями соответствующих лиц и вредным результатом, т.е. доведением должника до банкротства. Недоказанность этого обстоятельства является довольно частым основанием для отказа в привлечении к ответственности;

в) еще один аспект — возникновение права на привлечение к субсидиарной ответственности только после закрытия реестра требований кредиторов и их удовлетворения. Вместе с тем продажа имущества должника может продолжаться не один год. Поэтому в юридической литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что такой подход неправилен. Более того, зачастую имущество должника продается ниже рыночной стоимости (стоимости оценки), в результате чего удовлетворение требований кредиторов производится в меньшем объеме, чем это возможно. Следовательно, в случае привлечения учредителя/руководителя / собственника имущества должника к субсидиарной ответственности они будут вынуждены отвечать не только за свои виновные действия, но и, по сути, за ненадлежащий процесс распродажи имущества должника, хотя они практически не влияют на эту процедуру.

В связи с изложенным разумно включить в Закон о банкротстве норму о праве на привлечение руководителей и/или собственников должника к субсидиарной ответственности сразу после закрытия реестра и проведения оценки рыночной стоимости имущества, а не после реализации конкурсной массы и удовлетворения требований кредиторов.

В целом же отчетливой тенденцией последнего времени является ужесточение подхода судов и юристов-теоретиков для расширения возможности привлечения к субсидиарной ответственности.

Выступление В. Зинченко касалось уголовно-правовых рисков, возникающих при банкротстве. В текущих экономических условиях большое количество предприятий находится в предбанк-

Антон Александров

Елена Демина

Валерий Зинченко

ротной стадии, а многие уже буквально «лежат на боку». Кредиторы, в том числе банки, настроены решительно, а должники предпринимают зачастую судорожные попытки по выходу из экономической турбулентности. Банкротный консалтинг и внутренние юристы компаний находятся на пике профессиональной активности — бенефициарами и топ-менеджментом должника ставятся задачи по спасению бизнеса от банкротства или сохранению активов, стоящих на пороге или уже находящихся в банкротных процедурах. От юристов требуют быстроты, собранности и юридического креатива. Миссия же уголовной бизнес-адвокатуры состоит в том, чтобы, защищая бизнес в банкротстве, не поставить под угрозу свободу руководителей, участников и в некоторых случаях самих юристов.

Несмотря на то, что общее количество банкротных процессов неуклонно растет, статистика уголовных дел по такого рода составам крайне низка. Всего лишь 5% от общего количества возбужденных уголовных дел передаются в суд, а обвинительные приговоры вообще единичны. И это на фоне неофициальных данных о том, что в каждом третьем банкротном деле имеются факты обращения в правоохранительные органы. Приведенные цифры никак не могут объясняться редкостью совершения преступлений, предусмотренных ст. 195, 196, 197 УК РФ. Дело в том, что так называемые банкротные статьи Кодекса носят бланкетный характер. Законодательство о банкротстве очень подвижно, часто меняется, а правоохранители порой просто не успевают следить за всеми нововведениями. Также не всегда ясен и момент окончания преступления по ст. 195 (неправомерные действия при банкротстве), когда процедура конкурсного производства еще не завершена и не доказан факт причинения крупного ущерба. Поэтому правоохранителям все еще сложно использовать банкротные составы.

Однако помимо специальных статей УК РФ существуют и более привычные для правоохранительных органов экономические статьи: мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4), злоупотребление полномочиями (ст. 201), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165), невыплата заработной платы (ст. 145.1).

Эти статьи намного более привычны в банкротных проектах, да и возбуждать их уже давно научились достаточно хорошо. Не зря ведь всем известную ст. 159.4 УК РФ называют «резиновой». Практически все основные и популярные в последнее время действия по защите бизнеса при банкротстве (наращивание кредиторской задолженности, вывод активов, контролируемое банкротство) при грамотном подходе могут подпадать под приведенные выше экономические статьи. К уголовной ответственности могут привлекаться формальные и фактические руководители, участники, топ-менеджеры, юристы и иные работники.

При этом на практике встречается ложное представление о так называемом специальном субъекте по ст. 196 УК (преднамеренное банкротство). В действительности под уголовную ответственность за преднамеренное банкротство могут попасть не только спецсубъекты (руководитель общества, его участник или индивидуальный предприниматель), но и иные лица на основании п. 4 ст. 34 Общей части УК РФ («Лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника»). Таким образом, при грамотной работе правоохранителей спрятаться за спецсубъектом, может, и не удастся.

Необходимо помнить, что в отличие от формального доказывания в арбитражном процессе уголовному процессу присущи такие действия, как осмотры места происшествия, обыски, оперативно-разыскные мероприятия, допросы свидетелей и пр. Именно из-за таких действий, как правило, рассыпаются кажущиеся безупречными с точки зрения гражданского права действия по защите активов.

Следовательно, при планировании стратегии в рамках банкротства необходимо учитывать особую важность предварительного уголовно-правового анализа при принятии решений о защите бизнеса в банкротстве.

Руководитель группы по делам о банкротстве юридической фирмы «ЮСТ» В. Раудин назвал практические аспекты защиты от намерения кредиторов обанкротить компанию.

Практика показывает, что банкротство проще предотвратить, чем прекратить. В связи с этим крупные компании нуждаются в разработке антибанкротных стратегий, направленных на предотвращение недружественного банкротства. Такая стратегия, подготовленная с участием специалистов в области права и экономики, является дополнительной гарантией сохранения бизнеса и активов и может включать в себя как общие шаги, применимые к предотвращению большинства банкротств, так и частные, обусловленные конкретикой экономического и обязательственного положения определенной компании.

Необходимо выстраивать разумную линию диалога с банками-кредиторами. Согласно новой редакции Закона о банкротстве кредитные организации вправе обращаться с заявлением о признании должника банкротом без вступившего в законную силу судебного акта. В связи с этим должнику выгодно идти на контакт с банками и добиваться реструктуризации задолженности. Это позволит избежать банкротства и получить рассрочку платежа.

Компаниям важно поддерживать максимально конструктивные отношения со своими кредиторами. Это необходимо с прицелом на формирование своего пула кредиторов, который может помочь сохранить бизнес от недружественного захвата.

Александра Нестеренко

При этом целесообразно гасить «неживыми» деньгами те задолженности, в отношении которых это возможно сделать. Пока недружественный кредитор не получил вступивший в законную силу судебный акт о взыскании задолженности, имеет смысл использовать такой инструмент, как зачет встречных взаимных требований. По мере приближения к банкротству все более затруднительно произвести зачет без существенных рисков оспаривания.

Выступление А. Александрова было посвящено механизмам выхода из банкротства и современной ситуации, связанной с использованием в России реабилитационных процедур.

Традиционно считается, что текущая правоприменительная практика в делах о банкротстве имеет ярко выраженный уклон в сторону конкурсного производства и конечной ликвидации должника. Об этом же го-

ворит и статистика, согласно которой при рассмотрении банкротных дел на протяжении 2012–2014 гг. арбитражные суды открывали конкурсное производство 42 312 раз, тогда как иные, реабилитационные процедуры использовались удручающе мало: внешнее управление — 2106, мировое соглашение — 1746, финансовое оздоровление — 181 раз¹.

Вместе с тем банкротство влечет очевидные негативные последствия не только для должника, рискующего утратой своего бизнеса, гражданско-правовой и уголовной ответственностью, но и для кредитора, который в результате конкурсного производства получает, как правило, от 4 до 20% от суммы своего требования.

Основными препятствиями на пути использования таких реабилитационных процедур, как финансовое оздоровление и внешнее управление, является короткий срок, отведенный на восстановление платежеспособности должника (не более двух лет), ограниченность или зарегулированность инструментов восстановления. При этом ни одна из указанных процедур не прекращает саму процедуру банкротства. В финансовом оздоровлении полномочия органов должника существенно ограничены, а во внешнем управлении контроль над деятельностью должника переходит к внешнему управляющему. Статистика также показывает, что в 2012–2014 гг. из введенных процедур финансового оздоровления и внешнего управления лишь 11 и 58 процедур соответственно завершились расчетами с кредиторами.

Такие механизмы выхода из банкротства, как отказ кредиторов от требований к должнику или удовлетворение всех требований кредиторов третьим лицом, малопривлекательны и крайне редко встречаются на практике.

Мировое соглашение, имея свои недостатки, например публичность, необходимость согласования большого числа разнонаправленных интересов и соблюдения формальных процедур его одобрения и утверждения судом, имеет и ряд достоинств, главным из которых яв-

¹ См.: Сведения о рассмотрении арбитражными судами РФ дел о несостоятельности (банкротстве) в 2010–2013 гг. URL: <http://arbitr.ru>; Отчет о работе арбитражных судов субъектов РФ по делам о банкротстве за 2014 г. URL: <http://cdep.ru> (дата обращения: 10.07.2015).

ляется применимый к нему принцип свободы договора. В результате, помимо использования стандартных способов урегулирования требований кредиторов, т.е. отсрочки или рассрочки платежа, в мировом соглашении могут использоваться и иные условия, в частности отступное, обмен на доли / акции / иные ценные бумаги (допустим, акции общества, созданного в процессе замещения активов должника), новация, прощение, зачет. Мировое соглашение прекращает процедуру банкротства и при правильном структурировании поможет спасти бизнес должника, а кредиторам даст возможность получить в итоге больше, чем при реализации иных процедур. Также безусловными плюсами мирового соглашения являются его устойчивость (сложность расторжения и оспаривания) и возможность внесения в него изменений впоследствии путем одобрения и утверждения нового мирового соглашения (п. 23 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50).

При заключении мирового соглашения необходимо учитывать ряд нюансов. Так, зачастую перед судом необходимо обосновать то, что мировое соглашение направлено именно на восстановление платежеспособности должника. Также оно не должно нарушать права третьих лиц, в том числе текущих кредиторов и кредиторов, пока не включенных в реестр (п. 10, 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 20.12.2005 № 97), и лишать их возможности получить исполнение от должника.

Таким образом, в случае банкротства работающего, хоть и обремененного долгами бизнеса, одной из наиболее эффективных реабилитационных процедур на данный момент является мировое соглашение.

Примечательно, что на нездоровый крен в сторону ликвидации должника обратило внимание Правительство РФ, которое своим Распоряжением от 24.07.2014 № 1385-р утвердило «дорожную карту» по совершенствованию процедур несостоятельности, указав среди ее первоочередных задач обеспечение баланса при применении реабилитационных и ликвидационных процедур в банкротстве.

Для этих целей Министерство экономического развития РФ разработало законопроект о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ о несостоятельности (банкротстве) в части регулирования вопросов применения процедур наблюдения и финансового оздоровления. Проект предусматривает возможность использования финансового оздоровления по сути как самостоятельной процедуры, поскольку просить о введении финансового оздоровления можно будет и без подачи заявления о банкротстве должника (изменения, вероятно, коснутся и названия закона, который предлагается переименовать в Федеральный закон «О финансовом оздоровлении и несостоятельности (банкротстве)»). Также законопроект продлевает срок процедуры финансового оздоровления и упрощает возможность его применения без согласия кредиторов при наличии для этого экономического обоснования. С другой стороны, при отсутствии оснований для финансового оздоровления станет проще переходить к конкурсному производству. Как видим, данный законопроект призван существенно сместить акцент в банкротстве в пользу финансового оздоровления как реабилитационной процедуры.

А. Козьяков, партнер — руководитель офиса в Санкт-Петербурге адвокатского бюро «Иванян и партнеры», представил механизмы защиты должника и учредителей (участников) должника от недобросовестных действий (в том числе злоупотребления правом) кредиторов.

Несостоятельность должника, прежде всего, угрожает правам и охраняемым законом интересам его кредиторов. В связи с этим правовое регулирование процедуры банкротства — это в

Василий Раудин

первую очередь регулирование порядка удовлетворения требований кредиторов. Вместе с тем в российской правовой системе законодательство о несостоятельности неизменно рассматривается как комплекс мер, направленных на предотвращение банкротства и восстановление платежеспособности должника. То есть законодатель исходит из необходимости поиска справедливого баланса между интересами должника и его кредиторов, которые, как правило, не совпадают. Необходимым условием достижения такого баланса является защита добросовестного должника от злоупотребления правом со стороны кредиторов.

Несмотря на все большую ориентацию действующего законодательства о несостоятельности на защиту интересов кредиторов, защита интересов добросовестного должника, преследующего цель восстановления своей

платежеспособности либо, если это невозможно, удовлетворения требований кредиторов в максимальном размере и в соответствии с очередностью, предусмотренной законом, все еще возможна без использования противоправных механизмов.

Обсуждая механизмы защиты интересов должника, необходимо определить те правомерные цели, которые он может преследовать, и те угрозы, которые исходят от кредиторов, препятствующих достижению этих целей. Должник, желающий сохранить свой бизнес, заинтересован в том, чтобы в отношении него были введены процедуры, не связанные с признанием его банкротом и открытием конкурсного производства, а также в том, чтобы наиболее ликвидное имущество осталось в его собственности и могло быть использовано в хозяйственной деятельности в течение всего времени рассмотрения дела о банкротстве. Участники (учредители) должника заинтересованы в сохранении в течение максимально длительного времени возможности управлять бизнесом.

Основные угрозы для достижения этих целей исходят от кредиторов, которые заинтересованы в преимущественном удовлетворении своих требований за счет наиболее ценного имущества должника, а нередко и скорейшей ликвидации должника по итогам конкурсного производства.

Причинами, побуждающими кредиторов действовать подобным образом, могут быть необходимость скорейшего списания плохой задолженности, что особенно актуально для кредитных организаций, либо желание менеджмента кредиторов, часто вопреки интересам самих кредиторов, заработать на продаже по заниженным ценам имущества должника (характерно для банкротства юридических лиц, владеющих крупными производственными комплексами, которые часто подвергаются атаке со стороны конкурентов, действующих совместно с крупнейшими кредиторами должника).

Получается, защита должника от недобросовестных действий кредиторов чаще всего направлена на предотвращение открытия конкурсного производства и на сохранение контроля над имущественным комплексом предприятия.

В то же время налицо ограниченность полномочий суда при определении процедуры, следующей за процедурой наблюдения, и связанность суда решением первого собрания кредиторов.

Ввести финансовое оздоровление в отсутствие поддержки со стороны кредиторов нереалистично, поскольку для этого требуется предоставление обеспечения (банковской гарантии), что маловероятно в случае банкротства. По сути, основной возможностью для должника, желающего ввести процедуру вопреки воле кредиторов, остается доказывание наличия оснований для внешнего управления и оспаривание решения первого собрания кредиторов. При этом собственники должника могут прибегать к частичному погашению требований кредиторов третьими лицами (например, в рамках договоров поручительства) для блокирования принятия решений на собрании кредиторов недружественными кредиторами.

Основным механизмом защиты имущества должника от обращения на него взыскания с целью предотвращения преимущественного удовлетворения требований кредитора и сохранения возможности ведения хозяйственной деятельности является применение судом обеспечительных мер в рамках дела о банкротстве как способа борьбы против злоупотребления правом со стороны кредиторов.

Член Международного комитета японской Федерации ассоциаций юристов А. Огава поделился японским опытом, касающимся защиты бизнеса в банкротстве, и особенностями банкротного законодательства в Японии.

Основными процедурами являются ликвидация, реорганизация и гражданско-правовое восстановление компании. Первая процедура приводит к распродаже активов и ликвидации должника, остальные направлены на сохранение его бизнеса.

При этом японский Закон о гражданско-правовом восстановлении (*Civil Reconstruction Act*) следует концепции должника во владении (*debtor-in-possession*), при которой менеджмент должника по-прежнему продолжает осуществлять управленческие функции, сохраняет контроль над активами, а роль самого должника в процедуре является весьма активной. Несогласные кредиторы связаны условиями плана восстановления, если такой план был одобрен большинством кредиторов.

После существенного экономического кризиса 1990-х гг. в Японии произошло резкое изменение подхода к самому процессу банкротства: поскольку несостоятельность не всегда является результатом неудачных действий менеджмента, такому менеджменту может быть дан второй шанс. В связи с этим японское законодательство сильно изменилось в пользу продолжительного банкротства, а цель спасения бизнеса стала преобладающей в сравнении с его ликвидацией.

В конце круглого стола слушателям предложили принять участие в интерактивном голосовании. На вопрос о том, какие мысли вызывают новости о громком банкротстве: «недобросовестный должник выводит активы», «его пытаются захватить кредиторы», «это результат обычной инвестиционной деятельности», большинство проголосовало за первый вариант. По второму вопросу о необходимости увеличения порога долга (сейчас 300 тыс. руб.) для инициирования банкротства («да», «нет», «размер долга не имеет значения») голоса в зале разделились примерно поровну. Заключительный, третий вопрос касался того, есть ли необходимость лишить и кредитора права предлагать кандидатуру арбитражного управляющего (такое ограничение действует сейчас только в отношении должника), — большинство проголосовало за ограничение как отвечающее балансу интересов в банкротстве. Результаты голосования наглядно продемонстрировали, сколь много еще нужно сделать с точки зрения как модернизации регулирования, так и изменения восприятия обществом процедуры банкротства.